

ЛИЛИ БРУКС-ДАЛТОН

ПОЛНОЧНОЕ
НЕБО

Читайте книгу, смотрите фильм!

Лили Брукс-Далтон

Полночное небо

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Брукс-Далтон Л.

Полночное небо / Л. Брукс-Далтон — «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-122138-6

Августин – блестящий астроном, который отказался от личного счастья и посвятил себя изучению звезд. Салливан, для коллег просто Салли, – астронавт, которая ради миссии на Юпитер пожертвовала семьей и оставила дома маленькую дочь. Их разделяют миллионы километров: за окном обсерватории Августина – бескрайние арктические просторы, за иллюминатором Салли – ледяная пустота космоса. Но однажды их размеренный и устоявшийся быт нарушает непредвиденное: на Земле по необъяснимой причине исчезают все радиосигналы, а Центр управления полетами перестает выходить на связь. В этой пугающе звенящей тишине Августин и Салли задаются одним и тем же вопросом: осталась ли еще хоть одна живая душа во Вселенной? В 2020 году Netflix экранизировал роман с Джорджем Клуни и Фелисити Джонс в главных ролях.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-122138-6

© Брукс-Далтон Л., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

1	6
2	15
3	25
4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лили Брукс-Далтон Полночное небо

Lily Brooks-Dalton
GOOD MORNING, MIDNIGHT

© Lily Brooks-Dalton, 2016
© Школа перевода В. Баканова, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Гордону Бруксу

*«...я медленно, с трудом вытаскиваю себя из тьмы. И вот она я.
А вот – он...»
Джин Рис «Доброе утро, полночь»*

1

Солнце наконец-то вернулось в Заполярье, и Августин вышел посмотреть, как оно расцвечивает небесную сталь розоватыми всполохами. Долгие месяцы он не видел дневного света. Нежное сияние ширилось от горизонта, просачивалось в ледяную синеву тундры; на снег ложились длинные тени цвета индиго. Рассвет полыхал все ярче, розовые краски сгущались в оранжевые, затем – в багряные, словно голодное пламя заглатывало плотные слои облаков один за другим, прежде чем охватить небо целиком. Августин наслаждался этими ласковыми лучами, от которых приятно покалывало кожу.

Все небо было затянуто облаками – необычно для весны в этих краях. Обсерваторию построили здесь, в Арктических Кордильерах, из-за ясной погоды, разреженной приполярной атмосферы и приличной высоты над уровнем моря. Августин покинул бетонное крыльцо главного здания и по тропе, рассекавшей крутой склон, направился дальше, мимо группы хозяйственных построек, жавшихся к горе. Когда последнее строение осталось позади, солнце уже начало спускаться, а краски – блекнуть. День продлился минут десять, не больше.

Вдоль северного горизонта, насколько хватало глаз, тянулась покрытая снегом горная цепь. К югу простиралась бескрайняя гладь тундры. В хорошие дни этот пейзаж, похожий на чистый холст, приносил покой. В плохие – угрожал безумием: мир равнодушно взирал на человека, и укрыться от этого взгляда было негде. Августин пока не знал, к какому типу отнести день сегодняшний.

В другой, прошлой жизни, как только окружение его отторгало – а это происходило довольно часто, – он, недолго думая, закидывал вещи в кожаный чемодан и переезжал. В небольшой чемодан умещалось все необходимое. Не требовалось ни грузовиков, ни пузырчатой упаковочной пленки, ни прощальных вечеринок. Августин просто решал уехать – и неделю спустя уже был далеко.

После аспирантуры он отправился изучать умирающие звезды в пустыню Атакама на севере Чили. Затем его ждали Южная Африка, Пуэрто-Рико, Гавайи, Нью-Мексико, Австралия. Он бывал всюду, где располагались самые продвинутые телескопы и системы спутниковых антенн, разбросанные по всему свету, словно хлебные крошки. Чем дальше от житейских забот, тем лучше. Такая жизнь была ему по душе.

Августин не придавал значения странам и континентам; его заботило только то, что творилось далеко за пределами Земли. Он упорно трудился и достиг невиданных высот, его научный авторитет неуклонно рос... и все-таки этого было мало. Он никогда не был абсолютно доволен и знал, что никогда не будет. Ему хотелось не просто успеха, не просто всеобщего признания. Он жаждал изменить историю, добраться до сути Вселенной – взрезать ее, словно спелый арбуз, и первым разложить по полочкам еще влажные семена, оставив в дураках нерасторопных коллег. Он хотел сжать пальцами сочную красную мякоть и заглянуть в нутро бесконечности, узнать, что происходило на заре времен, хотя бы краешком глаза увидеть, с чего все начиналось. Он хотел, чтобы его запомнили.

И вот он здесь – семидесятивосьмилетний старик, забравшийся высоко в горы на самом краю мира. Работа его жизни близка к завершению, но все, что ему остается, – глядеть в стеклянные глаза собственного невежества.

* * *

Обсерватория Барбо казалась продолжением горы. Купол телескопа возвышался над окружающим пейзажем, будто кулак надзирателя. Примерно в километре к югу – там, где

тундру разровнял и утрамбовал доставленный из Гренландии бульдозер, – виднелись взлетная полоса и ангар, помеченные оранжевыми светоотражающими флажками и сигнальными огнями, которые давно не работали. Ангар пустовал, полоса тоже была заброшена. Последние самолеты принесли сюда вести о войне и забрали исследователей со станции. С тех пор прошло больше года.

Станция была рассчитана на проживание дюжины ученых в течение девяти месяцев. Здесь имелись бочки с топливом, продукты длительного хранения, очищенная вода, лекарства, охотничьи ружья, рыболовные снасти, лыжи, альпинистские кошки и тросы. Научного оборудования хватало с лихвой, а данных поступало столько, что не обработать и за дюжину жизней. Такой расклад в целом устраивал Августина.

Сердцем поселения была обсерватория – капитальное строение, вокруг которого располагались общежития, складские помещения и зоны отдыха. Не будь огромного телескопа, размещенного в главном здании, не существовало бы и самой станции. Окружавшие обсерваторию хозяйственные постройки едва ли могли называться таковыми – в большинстве своем это были водонепроницаемые палатки. В них ученые принимали пищу, спали и хранили личные вещи.

Здесьняя исследовательская программа обычно длилась от шести до девяти месяцев, но к моменту эвакуации Августин провел на станции почти два года. Теперь подходил к концу уже третий год. В Барбо отовсюду съезжались молодые, бойкие ученые, многие из которых только что получили ученую степень. Они с нетерпением ждали момента, чтобы – пусть и ненадолго – вырваться из пут научной педагогики, прежде чем окончательно в ней погрязнуть. Августин свысока смотрел на этих книжных червей, знакомых только с теорией, а опыта почти не имевших. Впрочем, он с трудом смог бы назвать человека, которого не презирал.

Прищурившись, Августин едва различал за плотными облаками зависший над горизонтом круг солнца, рассеченный надвое ломаным контуром Кордильер. Только что миновал полдень, на дворе стоял поздний март. Полярная ночь наконец-то покинула эти суровые края, и теперь – поначалу неспешно – сюда возвращался день. Вначале солнце лишь на пару часов показывалось над землей. Но Августин знал: уже скоро разгорится полярный день, а звезды поблекнут. Яркой вспышкой промелькнет лето, за ним придет тусклая осень, а потом вновь воцарится иссиня-черная зима. Однако сейчас сложно было представить картину отраднее, чем солнечный диск с топлеными краями, угнездившийся у самого горизонта и льющий свет на раскинувшуюся внизу тундру.

В Мичигане, где вырос Августин, зима наступала постепенно: первый снежок припорошивал землю, его сменяли мягкие, как перина, сугробы; сосульки вырастали все длиннее и острее, а потом – кап-кап – исчезали в бурлении весны. Здесь, в Арктике, все происходило иначе. Зима приходила неумолимо – резкая, словно грань бриллианта, оставляя после себя огромные ледники, которые никогда не таяли, и мерзлую почву, которая никогда не прогревалась.

В постепенно угасавшем полуденном свете по горному гребню трусил белый медведь – к морю, на охоту. Августин подумал, что тоже не прочь облачиться в толстую медвежью шкуру и никогда ее не покидать. Он представил, каково это: опустив вытянутую морду, поглядеть на свою огромную лапу размером с поднос, затем перекатиться на спину, чувствуя, как под здоровенной машиной мышц, жира и меха проседает мерзлая почва. Каково это – вытащить нерпу из лунки во льду и, убив ее одним мощным ударом, погрузить зубы в свежую, дымящуюся плоть, – а потом, насытившись, уснуть на чистом, только что выпавшем снегу? В голове – ни одной мысли, одни инстинкты: желание утолить голод или уснуть, а в нужное время года – позыв к размножению. Никакой любви, никакой надежды, никаких сожалений. Звери созданы, чтобы бороться за жизнь, а не размышлять о былом.

Августин готов был улыбнуться своим мыслям, но его губы нечасто принимали подобный изгиб. Он знал о любви не больше, чем белый медведь. Он никогда ее не понимал. Когда-то давно он испытывал зачатки менее сильных эмоций – вины, сожаления, обиды, зависти, –

однако всякий раз обращал свой взор к небу и обретал покой. Августина волновали только звезды. Возможно, это и была любовь, просто сам он никогда не давал ей названия. Всепоглощающий безответный роман со Вселенной – с ее пустотой и наполненностью. На другую, земную любовь, не хватило бы ни сил, ни времени, и Августина это устраивало.

Лишь однажды он был близок к тому, чтобы посвятить свою любовь другому человеку. Лет в тридцать с небольшим он повстречал красивую женщину с острым, как бритва, умом. Они вместе работали в Сокорро – городке, затерявшемся на просторах Нью-Мексико. Она тоже была научным сотрудником, дописывала диссертацию. Впервые ее повстречав, Августин сразу понял: это особенная женщина. Но когда она сообщила ему о беременности, он почувствовал лишь искорку тепла, которая быстро угасла. Он словно увидел вспышку сверхновой в шести миллиардах световых лет от Земли: нечто свершившееся, нечто прекрасное, но уже угасающее – бледное послевкусие. Августин попытался убедить женщину сделать аборт, а когда она отказалась, переехал как можно дальше и провел много лет по другую сторону экватора, боясь приблизиться к ребенку, которого был не в силах полюбить.

Шли годы, и наконец он заставил себя выяснить, как зовут дочку и когда у нее день рождения. Когда девочке исполнилось пять, он отправил ей в подарок дорогой любительский телескоп, на шестой день рождения – модель небесной сферы, на седьмой – первое издание «Космоса» Карла Сагана с подписью автора. О следующем дне рождения Августин забыл, однако на девятый и десятый отправил дочери еще пару книг – передовые труды по практической астрономии. А потом он потерял связь и с девочкой, и с ее матерью. Кусок лунной породы, который он обманом раздобыл в геологическом отделе и отправил в качестве нового подарка, вернулся с пометкой «недействительный адрес». Августин решил больше не разыскивать дочь и оставить все как есть. Он и так уже заигрался: эти подарки стали исключением, постыдной слабостью в его жизни, всецело подчиненной логике. С тех пор он все реже вспоминал особенную женщину и ее дочь, пока не забыл о них вовсе.

Белый медведь неторопливо спустился по склону и пропал из виду, затерявшись в снегах. Надвинув на лоб капюшон, Августин сильнее затянул завязки у подбородка. Пурга хлестала по лицу. Он закрыл глаза, вдохнул игольчатый морозный воздух, почувствовал, как немеют пальцы ног в шерстяных носках и тяжелых ботинках. Волосы и борода поседели лет тридцать назад, но кое-где на подбородке и шее по-прежнему пробивались черные волоски, как будто их обладатель оставил работу над старением неоконченной, переключившись на другую задачу. Августин давно считал себя стариком. К смерти он был определенно ближе, чем к рождению – уже не мог, как раньше, далеко ходить, не мог крепко стоять на ногах. Но именно этой зимой он почувствовал себя особенно древним. Просто развалиной. Тело как будто скукоживалось – спина все сильнее горбилась, кости теснее прижимались друг к другу. Августин начал не только терять счет времени, – что неудивительно, когда вокруг бесконечные зимние сумерки, – но и путаться в мыслях, часто, как будто спросонья, не мог вспомнить, о чем думал минуту назад, куда собирался пойти, что делал. Он попытался представить, что будет с Айрис, когда она останется одна, но тут же себя одернул: кому какое дело.

* * *

Когда Августин вернулся в главное здание обсерватории, краски неба уже поблекли, уйдя в сумеречную синеву. Чтобы открыть тяжелую стальную дверь, пришлось изо всех сил навалиться на нее плечом; в прошлом году она поддавалась легче. С каждым проведенным здесь месяцем тело становилось все более хрупким. Экономя горючее, Августин отапливал только верхний этаж: одну длинную комнату, где хранил самые ценные приборы. Эта же комната служила им с Айрис спальней. Сюда перекочевал и полезный скарб с нижних этажей, а также из хозяйственных построек: две электроплитки, гнездышко из сваленных в кучу спальных меш-

ков и бугристых матрасов, скудный набор тарелок, кастрюль и столовых приборов, электрический чайник.

Делая передышку на каждой ступеньке, Августин поднялся на третий этаж и запер за собой дверь, чтобы сохранить тепло. Постепенно, слой за слоем, избавившись от верхней одежды, он повесил вещи на прибитые к стене крючки, которых было слишком много для него одного. Нацепив каждую варежку на отдельный крючок, разматал шарф и повесил его тоже. Он всегда развешивал одежду в длинный ряд – возможно, чтобы комната не выглядела слишком пустой: если заполнить пространство следами своего присутствия, то одиночество перестает казаться вопиющим. Дальний конец вешалки занимали несколько пар фланелевых брюк, теплые кальсоны, толстые свитеры. Августин долго возился с застежками на парке, затем – с молнией. Наконец, повесил куртку рядом с остальной одеждой.

Его спутница, Айрис, редко говорила, хотя время от времени мурлыкала под нос мелодии собственного сочинения. Эти звуки лились из ее горла в унисон с гулом ветра, словно часть природной симфонии. Августин прислушался, не напевает ли Айрис, однако не уловил ничего похожего. Как правило, ее было трудно заметить – она любила сидеть не двигаясь, так что он тщательно осмотрел комнату: не блеснут ли в сумраке глаза, не раздастся ли шелест дыхания.

В обсерватории осталось только два обитателя, а еще телескоп, да бескрайняя тундра вокруг. Последнюю группу исследователей отправили на ближайшую военную базу, а оттуда – в родные места, где они, вероятно, воссоединились с близкими. Во внешнем мире творилось какое-то бедствие, но подробностей никто не знал. За учеными прибыли военные летчики. Перед тем, как объявить начало сборов, капитан собрал всех в кабинете начальника станции. Он провел переключку и объяснил, когда и в каком порядке подниматься на борт самолета С-130 «Геркулес», который ждал на взлетной полосе.

– Я никуда не полечу, – заявил Августин, когда назвали его имя.

Среди военных кто-то усмехнулся. Несколько ученых возвели глаза к потолку. Сперва никто не принял его слова всерьез. Но Августин стоял на своем. Лезть в самолет вместе со всем этим стадом баранов? В обсерватории у него оставалась работа – смысл всей жизни. Он решил, что прекрасно справится без остальных, и уедет, когда сам посчитает нужным.

– Обрато мы не вернемся, – теряя терпение, втолковывал капитан. – Все, кто останется на станции, будут отрезаны от внешнего мира. Либо вы летите сейчас, либо не летите вообще.

– Я понимаю, – ответил Августин. – И я остаюсь.

Капитан посмотрел ему в глаза и увидел безумного старика – достаточно безумного, чтобы говорить всерьез. Он выглядел как дикий зверь: зубы обнажены в подобие оскала, борода взъерошена, взгляд немигающий. У военных и без того было много дел – столько людей, о которых нужно позаботиться, столько оборудования для перевозки... А времени в обрез; не тратить же его на безумца? Так что капитан оставил Августина в покое до конца собрания, однако когда остальные разошлись, все-таки отозвал его в сторонку.

– Мистер Лофтхаус, вы совершаете большую ошибку. – Голос военного звучал ровно, но в нем сквозили враждебные нотки. – Я не намерен силой загонять старика в самолет, но, уж поверьте, никто не шутил, говоря о последствиях. Самолет сюда больше не вернется.

Он положил руку Августину на плечо. Тот отстранился.

– Я все понял. А теперь – проваливайтесь.

Августин гордо прошествовал мимо и, захлопнув за собой дверь, поднялся на верхний этаж обсерватории. Там он застыл у окна, выходящего на южную сторону. Во дворе коллеги сновали между палатками и хозяйственными постройками с чемоданами, книгами и техникой в руках. Тяжело нагруженные снегоходы курсировали по склону к ангару и обратно. Августин наблюдал, как люди цепочкой покидают станцию, пока не остался совсем один.

Откуда-то из складок тундры, где находился ангар, взмыл и растворился в тусклом небе самолет, рев его моторов слился со стоном ветра. Августин еще долго стоял у окна, посте-

пенно свыкаясь с обретенным одиночеством. Наконец, он осмотрел помещение и отодвинул в стороны оставленные коллегами вещи, расчистив место для себя одного. Фраза капитана «Обратно мы не вернемся» эхом прозвенела во внезапной тишине. Августин попытался почувствовать весомость этих слов, понять, что они ему сулят на самом деле, но их смысл показался ему слишком окончательным, слишком кардинальным, чтобы долго над ним размышлять. По правде говоря, Августину не к кому было возвращаться. И хотя бы здесь, на станции, он не хотел себе об этом напоминать.

Днем или двумя позже в одном из покинутых общежитий он обнаружил Айрис: она лежала на нижней полке двухэтажной койки, свернувшись в клубочек на голом матрасе, словно забытая кем-то вещь. Прищурившись, он долго разглядывал находку, не зная, верить ли собственным глазам. Это была маленькая девочка – на вид лет восьми – со спутанной копной темных, почти черных волос, в беспорядке спадавших на хрупкие плечики. Ее круглые, орехово-карие глаза, казалось, подмечали все и сразу. Она, как настороженный зверек, словно чего-то выжидала. Августин уже почти убедил себя, что перед ним всего лишь замысловатая игра теней, – как вдруг пружины койки скрипнули: девочка пошевелилась.

– Серьезно? – пробормотал он себе под нос и помассировал пальцами виски. – Ну что ж, тогда идем.

Он поманил новую знакомую к выходу. Не проронив ни слова, она последовала за ним. Поднявшись на третий этаж главного здания, он бросил ей пакетик с сухофруктами, и, пока нагревалась кастрюля с водой, девочка съела все подчистую. Потом он состряпал овсянку быстрого приготовления, которую нежданная гостья тоже умяла.

– Бред какой-то, – буркнул Августин, непонятно к кому обращаясь.

Девочка по-прежнему молчала. Он протянул ей книгу, и она принялась перелистывать страницы – непонятно, читая или нет. Августин засел за работу и постарался не обращать внимания на присутствие другого человека рядом.

Он не мог вспомнить, видел ли эту девочку раньше. Ее, конечно, хватятся – как же иначе; за ней должны вернуться с минуты на минуту. Наверное, виновата суматоха перед отъездом. Неудивительно, что в такой неразберихе потеряли ребенка. Как это обычно случается? «Я думал, она с тобой» – «А я думала, с тобой».

Наступил вечер, но никто так и не прилетел. На следующий день Августин попытался связаться с военной базой в самом северном круглогодичном поселении острова Элсмир. Никто не ответил. Августин проверил другие частоты, все до единой, и на него нахлынул страх. Любительские волны молчали, каналы экстренной связи монотонно потрескивали, не было слышно даже переговоров военных летчиков. Как будто на всей земле не осталось радиопередатчиков – или больше некому было их использовать. Августин продолжил сканировать частоты. Безуспешно. В ответ – только шуршание помех. Он попытался себя успокоить: мало ли, отчего мог случиться сбой? Может, буря? Завтра он попробует снова.

Вот только девочка... Что с ней делать? В ответ на его вопросы она глядела с отстраненным любопытством, словно находилась по другую сторону звуконепроницаемого стекла. Как будто внутри у нее зияла пустота, и осталась лишь безмолвная оболочка с растрепанными волосами и серьезным взглядом. Августин не знал, как себя вести, поэтому обращался с ней, как с домашним питомцем – проявлял неуклюжую заботу, как о представительнице другого вида. Он кормил ее, когда ел сам. Говорил, когда был в настроении. Водил на прогулки. Подсовывал разные вещи, чтобы она могла поиграть или просто поглазеть: рацию, карту звездного неба, заплесневелый пакетик с ароматической смесью, найденный в ящике стола, атлас-определитель, посвященный Арктике. Он старался изо всех сил, хоть и понимал, что не очень-то получается. Впрочем, неудивительно: она была ему чужой, а он был не из тех, кто заботится о бездомных.

Этим сумеречным днем, когда солнце встало, а потом снова спустилось за горизонт, Августин искал девочку везде, где она любила бывать. Обычно она зарывалась в спальные мешки, как ленивая кошка, забиралась с ногами в одно из кресел на колесиках, сидела за столом, тыкая отверткой во внутренности сломанного DVD-плеера или пристально глядела через грязные стекла окон на бесконечную цепь Кордильер. Девочки нигде не было видно, однако Августин не волновался. Порой она пряталась, но не убегала далеко и никогда не пропадала надолго. Он разрешал ей иметь свои тайники и секреты. Это казалось справедливым: на станции не было ни кукол, ни книжек с картинками, ни качелей – ни одной вещи, которую девочка могла бы назвать своей. Впрочем – как постоянно напоминал себе Августин, – ему было, по большому счету, наплевать.

* * *

Однажды – это случилось в разгар полярной ночи, после нескольких недель полнейшей тьмы и спустя два месяца после эвакуации – девочка прервала молчание и задала вопрос:

– Скоро рассвет?

Августин впервые что-то услышал из ее уст. Не считая, конечно, зловещего мурлыканья – череды протяжных, трепещущих нот, рождавшихся в глубине ее горла, когда девочка глядела в окно: казалось, она облекала едва уловимые движения пустынного ландшафта в слова на неведомом языке. И вот она наконец заговорила по-настоящему – произнесла пару слов хрипловатым шепотом. Ее голос звучал ниже и тверже, чем ожидал Августин. До этого он сомневался, умеет ли она говорить и знает ли английский, но эти два слова слетели с ее губ совершенно свободно, и выговор был американским – или, возможно, канадским.

– Полярная ночь уже наполовину позади, – ответил ей Августин, ничем не выдавая своего удивления.

Девочка кивнула, точно так же бесстрастно, и продолжила жевать вяленое мясо, которое было у них в тот день на обед. Она держала ломтик обеими руками и отрывала зубами по кусочку, словно хищный детеныш, который учится питаться по-взрослому. Августин передал ей бутылку воды. Он задумался, о чем хотел бы спросить свою маленькую спутницу, и с удивлением понял, что вопросов совсем немного. Прежде всего – как ее зовут.

– Айрис, – произнесла девочка, взглядываясь в сумрак за окном.

– Красивое имя, – отозвался Августин и увидел, как в стекле отразилась хмурая гримаска.

Разве не так он раньше говорил молоденьким девушкам? И разве им не нравились эти слова?

– Кто твои родители? – спросил он немного погодя.

Конечно, он задавал этот вопрос не впервые, но не мог удержаться, чтобы не спросить вновь. Возможно, теперь он наконец раскроет тайну появления девочки и узнает, кто из коллег-ученых – ее родня. Однако Айрис продолжала жевать, не отрывая взгляда от окна. Больше она не проронила ни слова – ни в тот день, ни в следующий.

Со временем Августин начал ценить ее молчание. Девочка была разумным созданием, а разум он ставил превыше всего. Когда он ее нашел, то поначалу ударился в меланхолию и позволил себе много жалоб на судьбу. Тогда он неустанно проверял радиочастоты, надеясь, что за потерянным ребенком скоро вернуться; что из безотрадной тишины вдруг объявятся военные, заберут девочку, – а его, Августина, оставят в покое. И пока он прокручивал в голове все «почему»: почему замолкли приемники, почему ребенка забыли на станции, – Айрис просто смирилась с положением вещей и стала потихоньку осваиваться. Постепенно и ее присутствие, и ее молчание перестали его раздражать. Проклянулся первый росточек симпатии, и Августин решил, что о вопросах можно пока забыть. С тех пор, как обсерваторию окутала полярная

ночь, единственным важным вопросом оставался тот, что задала девочка: как долго еще продлится тьма?

* * *

– А если я скажу, что вон та звезда – на самом деле планета? – однажды спросила мать, показывая на небо. – Ты мне поверишь?

Да, конечно, да, ответил Августин, он поверит, – и она назвала его умницей и хорошим мальчиком, ведь этот белый огонек прямо над крышами – Юпитер.

Августин обожал ее, когда был маленьким, – пока не понял, что она не похожа на мам других детей, живущих по соседству. Вслед за ней его то охватывало воодушевление, то сбивала с ног тоска, – он реагировал на малейшие перепады ее настроения горячо и чутко, как верный пес. Даже сейчас, закрыв глаза, Августин видел ее кудрявые каштановые волосы с проблеском седины, ее губы, небрежно, без зеркала, покрашенные винной помадой, ее восхищенный взгляд, когда она указывала на ярчайшую из звезд, зависших над домами в Мичигане.

Тот хороший смысленный малыш, оказавшись в суровых краях на попечении старика-незнакомца, наверняка заплакал бы, заверещал, затопал ногами. Августин никогда не был особенно смелым ребенком. Возможно, он предпринял бы робкую попытку сбежать – захватив немного припасов, шагнул бы в пустынную даль, – но через пару часов припелся бы обратно. А скажи ему кто-нибудь, что идти больше некуда, что мама не утешит, что у него больше нет никого в этом мире, – как бы он поступил тогда?

Августин внимательно смотрел на свою юную спутницу. Раньше он нечасто размышлял о прошлом; сейчас же, постарев, угодил в ловушку памяти. Жизнь в тундре каким-то образом возвращала ему былые переживания – даже те, что казались давно забытыми. Он вспоминал тропические обсерватории, в которых довелось поработать, женщин, которых обнимал, все написанные труды и произнесенные речи. Когда-то на его лекциях собирались сотни людей, толпы читателей жаждали получить автограф – его автограф! Тени былых свершений – любовных побед, научных триумфов, открытий – следовали за ним по пятам. Раньше все это представлялось важным, а теперь не имело никакого значения. Мир за пределами Барбо замолк и опустел. Женщины, скорее всего, были мертвы, научные труды сгорели дотла, университеты и обсерватории лежали в руинах. Августин всегда думал, что открытия его переживут, что еще многие поколения студентов продолжат на них ссылаться. Он мечтал оставить наследие на века. Тогда и бренность собственного тела оказалась бы сущим пустяком.

Интересно, вспоминает ли Айрис о прошлой жизни. Тоскует ли? Чего ей не хватает больше всего? Понимает ли она, что былого не вернуть? Скучает ли по дому, по братьям и сестрам? По родителям, друзьям, школе?

Когда полярная ночь уже близилась к концу, они вдвоем вышли на прогулку вдоль периметра станции, загребая ботинками свежевыпавший снег, который намело поверх утрамбованного, лежалого слоя. Освещая дорогу, низко висела луна. Оба оделись как можно теплее, спрятавшись в пуховые складки курток, словно улитки в раковины. Айрис закуталась так, что почти не было видно лица. У Августина на бровях и ресницах выросли сосульки, и размытый пейзаж искрился перед глазами всеми цветами радуги.

Девочка резко остановилась и указала рукой в большущей варежке на небо прямо над головой – туда, где поблескивала яркая точка.

– Полярная звезда. – Голос Айрис прозвучал глухо из-под туго намотанного шарфа.

Не дожидаясь ответа, девочка двинулась дальше. Она не спрашивала – говорила со знанием дела. Немного постояв на месте, Августин догнал спутницу. Впервые с момента знакомства он был по-настоящему рад ее компании.

* * *

Августин остался в обсерватории ради работы. Отслеживание данных, запись звездных последовательностей – все это казалось ему очень важным. Когда другие ученые уехали, а связь с внешним миром прервалась, он понял, что продолжать наблюдение за небом теперь необходимо ему, как воздух. Лишь преданность делу тонкой мембраной отделяла его от безумия. Лишь ощущение собственной нужности. Он прилагал все силы, чтобы давать мозгам привычную нагрузку. Даже разум, привыкший иметь дело с бесконечностью, не мог объять ту безбрежность, которую заключал в себе конец света. Это событие было необъяснимее и колоссальнее всего, о чем Августин размышлял раньше. Крах цивилизации. Гибель работы всей его жизни. Переоценка собственной значимости. Чтобы не думать об этом, он посвятил свое время сбору данных, исправно поступавших из космических глубин. Земля за пределами обсерватории погрузилась в безмолвие, чего нельзя было сказать о Вселенной. В первые дни только благодаря ежедневному обслуживанию телескопа, обновлению баз данных и присутствию отстраненной маленькой спутницы Августин не сошел с ума. А вот девочка оставалась невозмутимой. Ее всецело увлекали книги, обеды, пейзаж за окном.

Мало-помалу Августин тоже свыкся с реальностью. Успокоился, осознал безысходность в полной мере – и решил двигаться дальше. Он убеждал себя не торопиться – сроки больше не поджимали, конца работе не предвиделось. Данные поступали стабильно, никем не тронутые. Он перепрограммировал телескоп под собственные нужды и гораздо чаще стал выходить на свежий воздух, бродя меж опустевших палаток в густо-синем сумраке долгой ночи. Все нужные вещи – по одной за раз – Августин перенес на последний этаж обсерватории. Он волоком подтаскивал к зданию матрасы, а затем по очереди поднимал наверх. Во время одной из вылазок, когда Айрис шагала позади с ящиком кухонной утвари, Августин остановился, чтобы отдышаться, и отметил, что девочка отлично справляется. Упорства ей было не занимать. Вместе они вынесли из общежитий все необходимое и подняли на третий этаж, где стояли лишь столы, компьютеры да шкафы с документами. Теперь сюда перекочевали запасы консервов и сублимированной еды, бутылки с водой, топливо для генератора, батарейки. Айрис где-то раздобыла колоду карт. Августин позаимствовал в общежитии глобус в красновато-коричневых тонах и принес его под мышкой. Не без труда: латунная ось довольно ощутимо врезалась в ребра даже через толстую подпушку парки.

На третьем этаже места хватало с лихвой. Но помещение было завалено бесполезной, устаревшей техникой, никому не нужными статьями, в которых обсуждались давно опровергнутые гипотезы, потрепанными номерами астрономических журналов. Когда не нашлось даже свободного уголка для нового глобуса, Августин поставил его на пол, с трудом открыл окно и, не церемонясь, вытолкнул наружу древний, покрытый пылью монитор. Айрис, взбивавшая спальные мешки, тут же бросилась посмотреть на разбросанные в снегу обломки, некоторые из которых еще катились вниз по склону. В глазах девочки застыл вопрос.

– Барахло, – прокомментировал Августин и водрузил свой глобус туда, где раньше стоял монитор.

Новый предмет оживил обстановку, выделяясь своей изящностью среди научного хлама. Августин не хотел мусорить под окнами – позже, когда взойдет луна, он собирался все убрать. Просто приятно было отвести душу и отправить монитор в полет. Клавиатуру погибшего компьютера, обмотанную проводом от мыши, Августин протянул девочке. Айрис тут же швырнула клавиатуру в ночь – а потом с интересом наблюдала, как ее тарелка фрисби, крутясь, исчезает в темноте.

* * *

Когда в тундру вернулось солнце, два обитателя обсерватории начали выходить на склон, чтобы полюбоваться рассветом и закатом. Сперва зрелище длилось недолго. Яркий диск выглядывал из-за горизонта, возвещая о своем появлении венцом нежно-оранжевых лучей и заливая округу огненно-коралловым светом. Но как только выступали из сумрака снежные вершины, солнце сразу начинало садиться, окрашивая небо в сиреневый, розовый и льдисто-голубой, будто выпекая слоеный пирог в пастельных тонах.

В одну из соседних долин каждый день приходило стадо овцебыков. Огромные животные то и дело зарывались носами в снег. Траву, которую они щипали, издали было не разглядеть, хотя она уже наверняка проклюнулась – тонкие желтоватые стебельки торчали из-под сугробов, а может, выжидали, заточенные в снежную темницу. Лохматые шубы овцебыков, местами свалаявшиеся в толстые дреды, едва не подметали землю. Длинные витые рога загибались наверх. Животные выглядели древними, почти доисторическими, – словно паслись здесь задолго до того, как человек научился ходить на двух ногах, и продолжают пастись еще целую вечность, когда города и машины обратятся в прах. Айрис заворуженно наблюдала за стадом. Каждый день она убеждала своего спутника подойти поближе, молча подталкивая его вперед.

Когда солнце стало задерживаться на небе по несколько часов кряду, Августин задумался о животных в новом ключе. В обсерватории имелась небольшая сторожка с ружьями, к которым он ни разу не прикасался. Целый год питаясь пресной, застывшей в безвременье едой, он впервые задумался о вкусе свежего мяса. Он вообразил, как разделяет тушу одного из этих шерстистых созданий – отрезает от ребер шматы мяса, отбрасывает внутренности и кости, но даже мысли заставили его содрогнуться. Августин был слишком брезглив, слишком слаб, чтобы вынести столь кровавый и жестокий процесс. Впрочем, однажды припасы подойдут к концу – удастся ли перебороть себя тогда?

Он попытался представить, какое будущее ждет Айрис, и ощутил лишь безысходность и бессилие. Он смертельно устал. А еще злился. Злился на нежданное бремя, которое легло ему на плечи. Эту ношу ни бросить, ни передать другому. Злился он, потому что не мог, несмотря на все попытки, оставаться равнодушным. Суета выживания была ему отвратительна. Не хотелось даже думать об этом. Поэтому Августин предпочел любоваться ступенчатым следом, который оставляло закатное солнце, и спокойно дожидаться первых звезд.

Внезапно над горами показалась серебристая игла, летевшая слишком быстро и сверкавшая слишком ярко для небесного тела. Под углом в сорок градусов она ввинтилась в густую синь. Только когда объект переместился по кривой обратно к юго-западному горизонту, Августин понял: это Международная космическая станция по-прежнему кружит по орбите, отражая солнечный свет над уснувшей в сумерках Землей.

2

Будильник показывал семь по Гринвичу. В Хьюстоне было на пять часов меньше, в Москве – на четыре больше. В космосе время почти ничего не значило, но Салли все равно заставила себя подняться. Центр управления полетами разработал для команды космического корабля «Этер» строгий режим, которого следовало придерживаться с точностью до минуты. И хотя с Земли больше не следили за соблюдением расписания, астронавты старались от него не отступать.

Салли по привычке потрогала фотографию, одиноко висевшую на обитой мягким материалом стене ее спальной ячейки, и села, свесив ноги с койки. Она провела рукой по длинным темным волосам, не стриженным уже год – с тех пор, как начался полет, – и принялась заплетать косу, вспоминая только что увиденный сон. Здесь, за задвинутой шторой, царила тишина, не считая монотонного гула систем жизнеобеспечения и легкого стрекота центрифуги. Космический корабль, на первый взгляд такой большой, теперь казался утлой лодчонкой, затерянной в безбрежном океане. Вот только никто не терялся. Члены экипажа прекрасно знали, куда держат путь. Совсем недавно они покинули Юпитер и теперь возвращались домой.

В пять минут восьмого за стенкой зашуршала Деви. Салли потянулась к темно-синему комбинезону, комком лежавшему на краю койки, и, натянув на ноги брючины, застегнула молнию до пояса. Рукава она повязала вокруг талии, заткнув под них серую майку, в которой спала. Лампы только начали включаться, постепенно становясь все ярче, чтобы симитировать неторопливый восход солнца на Земле: безупречно перетекающий из оттенка в оттенок ясный рассвет. Светильники были одним из немногих напоминаний о доме, доступных на космическом корабле. Салли ни разу не пропустила этот утренний спектакль. Жаль, инженеры не добавили капельку розового или оранжевого.

Сон никак не уходил из памяти. С тех пор, как неделю назад команда провела исследования в окрестностях Юпитера, Салли каждую ночь видела во сне огромную планету: необъятный, бескрайний силуэт, причудливые завихрения атмосферы, клубящиеся облака кристаллического аммиака, образующие темные пояса и светлые полосы. Там встречались всевозможные оттенки оранжевого: от песочного в светлых областях до ярчайших потоков расплавленной киновари. Поверхность – туманная, клокочущая, ревущая от множества вековых бурь, вращалась будто отдельно от внутренностей планеты, делая полный оборот за десять часов, – и от этого стремительного бега захватывало дух. А спутники! Древняя, в оспинах кратеров, Каллисто и обледенелый Ганимед. Ржавые трещины и подземные океаны Европы. Фейерверки магмы на Ио.

При виде четырех лун Ганимеда команду охватил тихий трепет. На несколько минут астронавты погрузились в раздумья о высоком. Напряжение, сопровождавшее их всю дорогу, – беспокойство, что миссия окажется не по силам, что корабль сгинет в глубинах космоса, – все это исчезло. Дело было сделано. У них получилось. Салли и ее коллеги стали первыми людьми, побывавшими так далеко от Земли. Более того: увидев воочию Юпитер и его луны, все шестеро членов экипажа изменились. Почувствовали умиротворение. Они поняли, насколько крохотными, хрупкими и бранными были на самом деле. Словно вмиг очнулись от короткого, бестолкового сна, которым и являлась по сути их жизнь на Земле. Больше они не могли положиться на свое прошлое, воспоминания. Стоило приблизиться к Юпитеру, и доселе незнакомый уровень сознания вырвался на свободу. Как будто в темной комнате внезапно зажегся свет – и перед глазами предстала бесконечность, простая и блистательная под одинокой лампочкой, свисавшей с потолка.

Иванов сразу же занялся исследованием образцов породы, собранных на Ганимеде, а затем – написанием статей о строении спутника и о процессах на его поверхности. Словно

на крыльях любви он порхал от велотренажера к обеденному столу, его обычно хмурое лицо преобразилось, став почти дружелюбным.

Деви и Тибс, казалось, позабыли о своей задаче поддерживать в рабочем состоянии системы корабля и вместо этого часами парили под прочным стеклянным куполом командного отсека, вглядываясь в глубины космоса. Эти двое – молоденькая Деви с небрежно убранными в пучок волосами и темнокожий Тибс, чья спокойная редкозубая улыбка словно бы делила круглое лицо пополам, – наслаждались видом в благодушном молчании. Тибс говорил, что они «наблюдают общую картину», произнося слова с мягким южноафриканским акцентом.

Тэл, пилот корабля и ученый-физик, после знакомства с лунами Юпитера почувствовал прилив сил. Он стал дольше заниматься на тренажерах, показывал акробатические номера в невесомости всем, кто хотел взглянуть, и постоянно сыпал похабными шуточками. Его воодушевление передавалось коллегам.

Харпер – командир корабля – направил энергию в творческое русло. Он делал зарисовки бурь на поверхности Юпитера, какими увидел их с Ганимеда, заполняя набросками альбом за альбомом и оставляя легкие графитовые отпечатки на всем, к чему прикасался.

А Салли погрузилась в работу с телеметрическими данными, которые поступали с зондов на спутниках Юпитера. Она прерывалась, только чтобы поесть или покрутить педали велотренажера, раздраженно перекидывая за спину темные, заплетенные во французскую косу волосы и поминутно сверяясь с часами, – так ей не терпелось вернуться в отсек связи. Впервые за долгие годы она наконец примирилась с жертвами, на которые пришлось пойти, чтобы участвовать в космической программе, – с тем, что покинула свою семью. Мучительные сомнения: а стоило ли оно того, был ли правильным выбор? – отступили. Теперь Салли просто плыла по течению, освободившись от бремени вины и зная, что идет по пути, который ей предначертан. Именно ей и никому другому – крошечной частичке такой необъятной и непознанной Вселенной.

Сон поблек, и Салли всеми мыслями была уже в отсеке связи. Натягивая носки, гадала, какие новые тайны переключались в виде радиоволн на корабль, пока она спала. И вдруг откуда-то из темных уголков сознания постучалась непрошенная мысль: да, цель достигнута, но – вот незадача! – поделиться открытиями не с кем. Когда «Этер» приближался к спутникам Юпитера, Центр управления полетами перестал выходить на связь. Неделю астронавты продолжали работу и ждали новостей. Однако с Земли не поступило никакой отмашки, руководство ни разу не дало о себе знать.

На Сеть дальней космической связи работали три основные базы – они находились в разных частях света, чтобы не зависеть от вращения Земли. Когда Голдстоунский центр в пустыне Мохаве отключался, Испания или Австралия подхватывали эстафету. Но за целые сутки Земля так и не дала о себе знать. Затем прошел еще день, а теперь уже – две недели. Затишье могло означать что угодно, поэтому вначале никто не волновался. Но когда молчание затянулось, а команда, попросившись с Юпитером, настроилась на возвращение домой, беспокойство стало нарастать. Астронавтов, похоже, бросили на произвол судьбы. Полученный в полете опыт, важные открытия и то, что только предстояло узнать, – все это требовало внимания широкой аудитории. Они подписались на эту миссию не только ради самих себя, но и ради всего человечества. Все чаяния, которые подстегивали их на Земле, здесь, в черноте космоса, превратились в жалкое тщеславие.

Наконец, впервые с тех пор, как началось затишье, Салли перестала противиться безрадостным думам. Ее, как и остальных, приучили отделять главное от второстепенного, отбрасывать мысли, которые могли помешать работе во время долгой, непредсказуемой миссии. Слишком уж важные вещи стояли на кону. Лишь только Салли позволила опасной мысли осесть в сознании, как тут же нахлынула паника, уничтожив спокойствие, которое принес в ее сердце Юпитер. Она словно пробудилась ото сна и ощутила ледяное дыхание пустого, негостеприимного космоса – мрачное, словно тень. Тишина длилась слишком долго.

Девы и Тибс несколько раз проверили и перепроверили оборудование. Салли провела ревизию в отсеке связи, поломок не нашла. Приемники продолжали улавливать тихую разногласицу космоса, и среди всех объектов, даже очень далеких, одна лишь Земля оставалась безмолвной.

* * *

Пока строчки необработанных данных сменяли друг друга на экране компьютера, Салли, вооружившись огрызком карандаша, делала записи в блокноте, который всегда носила с собой. В отсеке связи было тепло; гудели радиоприборы, погружая в привычный кокон белого шума. Прервавшись, Салли отпустила карандаш в свободное плавание, а затем, размяв запястье и онемевшие пальцы, поймала его вновь. Со лба сорвалась капелька пота и зависла перед глазами. Из-за жары стало труднее дышать. Казалось, кожа начинает плавиться, граница между телом и средой становится эфемерной, и все вместе сливается в единую разгоряченную массу. Похоже, в отсеке произошел температурный сбой, о чем надо было сообщить Девы или Тибсу. Не дай бог, перегреется оборудование.

Один из приемников, встроенных в стену, издал высокий пронзительный звук, и Салли взглянула, на какой частоте он зашумел. Когда корабль потерял связь с Центром управления полетами, она настроила приборы на сканирование обычных каналов связи, однако результатов пока не добились. По звуку было понятно, что сигнал поступает не с Земли, а с зонда на одном из спутников Юпитера. Не реагируя, Салли продолжила проверять другие частоты.

Шумовая буря между Юпитером и одним из спутников, Ио, достигла корабля – низкий гул, поверх которого слышалось что-то похожее на шелест прибой, на плеск рыбьих хвостов об воду или на ветер, гуляющий в кронах – слабое эхо привычных земных звуков. Минуты через две буря утихла, и возобновилось фоновое гудение межзвездного пространства, нарушаемое потрескиванием со стороны Солнца. В космосе все было отчетливее: вокруг оживал весь электромагнитный спектр. Словно впервые видишь, как пляшут светлячки на ночном лугу. Без вмешательства Земли все казалось другим. Опасным и безжалостным. И в тоже время прекрасным.

С каждым днем оторванность корабля от Земли становилось все ощутимее. Наконец, после двух недель тишины, положение стало критическим. Связь с Центром управления была их пуповиной в безвоздушном пространстве; без нее астронавты остались совсем одни. И хотя путь домой длиною в год уже начался и расстояние до Земли постепенно сокращалось, они никогда еще не ощущали себя настолько потерянными. Всем шестерым пришлось мириться с тишиной, а также с тем, что она могла значить, – и для них, и для тех, кто остался на безмолвной планете.

На мониторе мелькал отчет о шумовой буре, за которым Салли внимательно следила. Магнитное поле Ио и его влияние на Юпитер когда-то были темами ее диссертации. Как бы ейгодились эти данные тогда, двадцать лет назад, в университете!.. Она перемотала аудиозапись бури к началу и, не отрываясь от дел, прослушала ее снова.

Салли порой представляла планету Юпитер матерью, которая взывает к своим детям-спутникам, прижимает их к бушующей груди, чтобы унять многоголосый плач, а потом отпускает обратно во тьму – вращаться свободными и одинокими. Одна из лун – Ио – особенно нравилась Салли. Ближайшая к Юпитеру, но и самая строптивая – своенравное, плюющееся лавой и радиацией пушечное ядро.

Отвлечшись на какофонию бури, Салли выпустила из пальцев карандаш. Она засмотрелась на график, отображавший пульсацию энергии между небесными телами. Магнитные поля у полюсов Юпитера трепетали, будто северные сияния.

Салли вздрогнула, услышав, как капитан Харпер откашлялся у нее за спиной.

Поприветствовав ее, он замолк, словно не знал, что сказать дальше.

Она поймала карандаш, пока тот не уплыл далеко. Внезапно ей сделалось неловко под взглядом Харпера: он видел пятна пота у нее под мышками, да и коса, как назло, растрепалась, и выбившиеся пряди торчали во все стороны, будто солнечные лучи.

Тягучий среднезападный выговор капитана, который в Хьюстоне почему-то едва ощущался, теперь стал гораздо заметнее. Салли дивилась: неужели такой привязанный к Земле человек мог и за ее пределами чувствовать себя как дома? Харпер провел в космосе больше времени, чем любой другой астронавт. Этот полет был уже десятым... или одиннадцатым? Салли никак не могла запомнить.

Харпер проявил себя отличным командиром еще на шаттле – доставил экипаж на корабль, ожидавший на орбите, вместе с верным помощником Тэлом провел челнок сквозь атмосферу. Харпер был особенным. По его глазам Салли поняла, что недавнее умиротворение тоже его покинуло. Теперь он навещался в разные отсеки – проверял, как дела у товарищей, стараясь поддерживать командный дух. Каникулы у берегов Юпитера закончились, а потеря связи с Землей и долгая дорога домой уже давали о себе знать.

– Капитан Харпер, – поздоровалась Салли.

Он усмехнулся, тряхнув головой. Чем дольше длилось путешествие, тем более нелепыми казались уставные порядки.

– Научный специалист Салливан, – подыграл он.

Она по привычке пригладила выбившиеся волосы, прижав их к голове, – что в невесомости не дало никакого результата.

Харпер взглянул на графики шумовой бури.

– Ио?

Салли кивнула.

– Сильно штормило. Вулканы, похоже, не утихают ни на минуту. Боюсь, наш зонд там долго не продержится.

На экране вспыхивая яркими красками, между двумя небесными телами порхали всплески энергии.

– Ничто не вечно, – пожал плечами Харпер.

Повисла тишина. Да и что еще тут скажешь?

* * *

Остаток дня Салли провела в отсеке связи, отслеживая телеметрические данные с зондов и на всякий случай продолжая сканировать диапазоны S, X и K, которые использовались для связи с дальним космосом. Частота, выделенная для корабля «Этер», постоянно оставалась свободной и готовой к приему сигналов, однако надежды на восточку с Земли оставалось все меньше. В начале полета связь с родной планетой казалась чем-то незыблемым. Достаточно было снять трубку и позвонить в кабинет, полный инженеров и астрономов. Потом появился временной разрыв, который стал расти по мере удаления от Земли. Но даже тогда команда знала, что сотрудники Центра управления полетами сидят на своих местах, в любой момент готовые ответить. Раньше кто-то всегда наблюдал за кораблем. А теперь они остались одни.

Временами приемники «Этера» улавливали поток информации с зондов, принадлежавших другим космическим проектам, – их осталось совсем немного. Больше всего Салли любила наблюдать за «Вояджером-3». Это был третий по счету объект из созданных человеком, что покинул Солнечную систему и отправился дальше, сквозь межзвездное пространство. Его запустили лет тридцать тому назад ученые предыдущего поколения. Теперь аппарат уже выходил из строя, его сигнал стал донельзя слабым, но приемник, настроенный на частоту 2296.48 МГц, иногда улавливал далекие хрипы – словно шепот старика на смертном одре. Салли еще

помнила, как НАСА объявило, что предшественник этого аппарата, «Вояджер-1», навсегда умолк – истощил запас энергии и отныне не сможет посылать информацию на Землю. Салли тогда была совсем маленькой. Она сидела за столом на кухне в Пасадене и уплетала хлопья с изюмом, когда мать прочитала ей заголовок газетной статьи: «Первый межпланетный гонец человечества приказал долго жить».

Вслед за своим прадедушкой «Вояджер-3» нырнул в облако Оорта, где из кристаллов льда зарождались кометы, и устремился дальше. Однажды он попадет в зону притяжения какой-нибудь планеты, звезды или черной дыры, а до тех пор будет дрейфовать из одной звездной системы в другую, вечно странствуя по Млечному Пути. Судьба, леденящая душу, – но было в ней и что-то волшебное. Интересно, каково это, думала Салли, бесцельно лететь, плыть по течению целую вечность?

В космосе оставались и другие скитальцы. Какие-то еще работали, какие-то, навсегда замолкнув, канули во тьму, но «Вояджер-3» был особенным. Он напоминал Салли о том дне, когда она впервые осознала, насколько безбрежен космос. Еще в детстве ее манило великое ничто, – и вот теперь она тоже странница. И лишь воспоминания о начале пути отвлекали от страха перед тем, как он может закончиться.

* * *

Они назвали ее «Маленькой Землей» – кольцевую центрифугу, которая неустанно вращалась отдельно от самого корабля и посредством центробежной силы имитировала земное притяжение. На территории кольца располагались шесть спальных ячеек – по три с каждой стороны, разделенные коридорчиком. В каждом боксе кроме койки находилось несколько полок, шкаф для одежды и небольшая лампа для чтения, которую использовали, когда выключалось искусственное солнце. Чтобы уединиться, задвигали плотную штору.

Посреди кают-компании, в ядре центрифуги, стоял длинный стол с двумя скамейками, который можно было сложить и придвинуть к стене. Здесь же находилось скромное подобие кухни, небольшая спортивная зона – велотренажер, беговая дорожка, несколько штанг – и уютный уголок с футуристического вида серым диваном и приставкой для видеоигр. Между диваном и спальными ячейками ютился небольшой санузел; туалетом в зоне невесомости пользовались гораздо реже.

Время, отведенное на отдых, Салли и Харпер обычно проводили за игрой в карты. После целого дня в невесомости было тяжело вновь ощущать вес собственного тела, но астронавтам не стоило отвыкать от земного притяжения. К тому же, гравитация имела свои плюсы: карты спокойно лежали на столе, еда – на тарелке, а карандаш не уплывал из-за уха.

Здесь Салли почти забывала о пустоте открытого космоса, о миллиардах световых лет неизведанного за пределами корабля. Ей начинало казаться, что она снова на Земле, а где-то совсем рядом – рыхлая почва, деревья и синий полог неба.

Харпер с досадой бросил карту на стол. Салли взяла ее – это был трефовый валет – и выложила веером собранную комбинацию.

– Я уж думала, не дождусь, – сказала она с улыбкой.

– Ах ты ж черт! – воскликнул Харпер. – Признавайся, что мухлюешь: не может постоянно так везти!

Они увлеклись игрой в рамми совсем недавно. В начале полета вся команда резалась в покер. Через полгода – после того, как корабль впервые пересек пояс астероидов, – интерес к азартным развлечениям стал потихоньку угасать. Затем коллеги совсем прекратили играть – отвлеклись на исследование лун Юпитера. Лишь когда пропала связь с Землей, и на корабле поселилась тревога, посиделки за картами возобновились, правда, участвовали теперь только Харпер и Салли.

– У тебя сложно не выиграть, – усмехнулась Салли.

Харпер вздохнул.

– Твоя взяла, хитрюга.

Они подсчитали текущие очки, и Салли записала их в блокнот, прямо под бессвязными заметками о показателях радиации на Ио.

Пока она складывала в уме итоговый результат, Харпер пристально на нее смотрел, как будто собирался нарисовать, – от этого взгляда, отмечавшего каждую черточку ее лица, не укрылся и проступивший на щеках румянец. Ей было приятно, что на нее так смотрят, но в тоже время тягостно; кожа будто пылала огнем.

– Продолжим? – предложила Салли, обновив счет в блокноте и не поднимая глаз.

Харпер помотал головой.

– Мне еще час крутить педали. Но завтра я уж точно возьму реванш.

– Мечтать не вредно. – Усмехнувшись, она собрала карты, затолкала их обратно в коробку, а потом придвинула стол к стене. – Только мозги в следующий раз не забудь.

– Ну, Салливан, ты у меня дождешься!

По местному времени наступила ночь. Устроившись в спальном ячейке, Салли решила просмотреть записи, сделанные за день, когда ее взгляд задержался на фотографии, приколотой к стене, и работать сразу расхотелось. Со снимка на нее смотрела дочь, переодетая светлячком на Хэллоуин. Тогда ей было пять или шесть. Костюм смастерил Джек: пара огромных черных глаз, усики, светящееся, набитое ватой брюшко и крылышки из капрона и проволоки. Сейчас девочке уже исполнилось десять, но когда Салли собирала вещи, недавних снимков найти не смогла. У них в семье фотографировал Джек.

* * *

Иванов теперь допоздна задерживался в лаборатории – работал все больше, жертвуя сном. Однажды Салли поняла, что уже несколько дней не видела его за обедом. С утра наведавшись в коридор, служивший теплицей, она сорвала для коллеги горсть аэропонических помидоров черри.

– Я принесла тебе перекусить. – Оттолкнувшись локтями от дверного проема, Салли всплыла в лабораторию.

В замке ее ладоней парила горстка разноцветных плодов – красных, оранжевых, желтых. Иванов не поднял головы.

– Я не голоден, – буркнул он, продолжая пристально глядеть в микроскоп.

– Да ладно, не будь буквой, – попробовала уговорить его Салли. – Давай я оставлю овощи здесь, потом поешь.

Светлые волосы коллеги под действием невесомости напоминали клоунский парик, поэтому он выглядел добрее и беспечнее, чем обычно. На мгновение Салли забыла, с кем имеет дело.

– Я хоть раз отвлек тебя от работы? – огрызнулся Иванов. Глаза его гневно сверкнули, с губ сорвались круглые капельки слюны. – Ни разу! – рывкнул он и вновь склонился над предметным стеклом.

Едва не плача, Салли вернулась в отсек связи и съела собранные плоды сама. Весь экипаж сейчас был на взводе: к подобной ситуации не подготовит никакая тренировка. Семя раздора между астронавтами уже взошло. Гармония, которую принесло в их небольшой мирок общее дело, оказалась лишь временной оболочкой, и вот она вскрылась, чтобы обнажить хрупкую сердцевину. Режим, установленный Центром управления полетами, постепенно был забыт, а члены экипажа перестали есть, спать и отдыхать по расписанию и действовали теперь как

отдельные единицы, а не слаженная команда. Иванов стал нелюдимым и вспыльчивым, часами пропадал в лаборатории. Впрочем, прятался не он один.

Тэл с головой погрузился в мир видеоигр, и хотя сидел он у всех на виду, на диване в центрифуге, его мысли блуждали где-то далеко. Непростая задача обеспечить посадку модулей на Каллисто и Ганимед в свое время привела его в восторг. Затем пришел черед гравитационного маневра вокруг Юпитера. Но когда траектория полета стабилизировалась, а связь с Землей так и не появилась, пилот корабля сделался желчным и подавленным. Когда он перестал получать весточки от своей семьи в Хьюстоне, забыться помогли видеоигры. Разнообразные джойстики, геймпады, игровые ружья и рули приняли удар на себя. Каждый сеанс неизменно заканчивался полетом одного из пластиковых контроллеров через всю «Маленькую Землю» и потоками брани на смеси английского с ивритом, которым вторило звонкое эхо.

Салли наблюдала, как после особенно неистовой вспышки гнева Тэл сидел, сгорбившись, у игровой приставки, словно сдувшийся воздушный шарик. И куда только исчезли его прежняя жизнерадостность, его неизменное обаяние и бодрость духа? Рассеялись в переработанном воздухе центрифуги. Наконец, он поднялся, чтобы тихо собрать обломки рулевого колеса, которое грохнул об стену. Сложив все фрагменты на столе, Тэл весь оставшийся день терпеливо склеивал кусочки пластика, возился с проводами, проверял кнопки. Ему необходимо было чем-нибудь себя занять. Он корпел над сборкой, пока Тибс не похлопал его по плечу.

– Закругляйся. Мне нужна твоя помощь в командном отсеке.

Тэл возражать не стал, но на следующий день уже снова сидел на диване с джойстиком в руках. Салли не могла понять, что именно его привлекает в видеоиграх: то ли сам процесс – музыка и картинки, такие успокаивающие в своей предсказуемости, то ли возможность выплеснуть эмоции после игры.

Девы – самая молодая из членов экипажа, признанный гений их маленькой команды – сражалась со своими демонами молча. В то время как Иванов и Тэл, казалось, стали занимать больше места, не в силах совладать с бьющими через край эмоциями, – Девы, наоборот, словно бы съезжилась. Ей и раньше было проще поладить с техникой, чем с людьми, – обычное дело для выдающегося инженера. Но с тех пор, как Земля погрузилась в молчание, Девы начала сторониться не только коллег, но и своей работы. Ничто ее больше не увлекало. Тибс все чаще замечал за ней оплошности. Она упустила из виду элементарные поломки, не слышала подозрительных шумов и буквально спала на ходу.

Однажды Тибс навестил Салли в отсеке связи, чтобы поделиться своими тревогами.

– Тебе не кажется, что Девы последнее время сама не своя?

Салли не удивилась вопросу. Она до последнего старалась не замечать растущего напряжения между коллегами, однако перемены к худшему были налицо. Команда рассыпалась – медленно, но верно.

– Кажется, – кивнула Салли.

Вместе они попытались вернуть Девы в коллектив и снова разжечь ее интерес к работе. Тибс теперь трудился с ней бок о бок, пусть это и предполагало в два раза больше обязанностей. Он рассказывал ей о прошлом – о том, как десятки лет назад попал в южноафриканскую космическую программу. Тогда он был совсем юнцом, да и самой программе было несколько лет от роду. Салли сопровождала Девы в свободные часы, чтобы проследить, выполняет ли та достаточно физических упражнений, регулярно ли питается, соблюдает ли график сна, – попутно расспрашивая коллегу о детстве и семье. Но как ни старались Салли с Тибсом, этого все равно не хватало. Никто в команде не знал, что делать с растущей пропастью между кораблем и домом. Чем ближе они подлетали, тем шире становилась эта пропасть, а тишина превращалась в невыносимую какофонию.

* * *

Однажды вечером после еды и часового отдыха Харпер объявил общее собрание. Последним пришел Иванов, пропустивший и ужин, и развлечения, чтобы подольше остаться в лаборатории за систематизацией образцов. Он сразу направился к беговой дорожке в углу спортивной зоны, покосившись на Тэла, который занимался со штангой.

– Тоже хочешь штангу потягать? – спросил Тэл с плохо скрываемой насмешкой.

Иванов переключил скорость на тренажере, не удостоив коллегу вниманием.

– Итак, когда все наконец собрались, – начал Харпер, – давайте обсудим потерю связи с Землей.

Тибс сидел за столом с потрепанной книгой Артура Кларка «Конец детства». Загнув страничку, он переместился на диван к Харперу. Деви вышла из спальной ячейки и уселась рядом с Тибсом, а Тэл, отложив штангу, остался там, где был. Салли прислонилась к стене у двери санузла, прямо напротив дивана и площадки для тренировок. Иванов как ни в чем не бывало бежал по дорожке.

– Я хотел бы обговорить с вами несколько вещей, – продолжил Харпер. – Я знаю, все в курсе сложившейся ситуации, но потерпите уж немного мое занудство. К настоящему моменту ЦУП не выходил на связь три недели. И мы до сих пор не знаем, почему.

Капитан поглядел на остальных, словно ища подтверждения. Салли кивнула. Тэл задумчиво закусил губу. Лица Тибса и Деви ничего не выражали. Иванов продолжил бежать.

– Аппаратура в отсеке связи работает исправно. С зондов поступает телеметрия, наши сигналы тоже уходят без проблем. Деви и Тибс почти на сто процентов уверены, что с нашей стороны поломки нет. – Харпер снова замолчал и посмотрел на инженеров, сидевших рядом.

Тибс кивнул.

– Мы с Деви не думаем, что виновата неисправность на корабле, – произнес он, выговаривая каждое слово, каждый слог так отчетливо, что в его правоте не осталось никаких сомнений.

– Что приводит нас к неутешительному выводу, – заключил Харпер.

Со стороны беговой дорожки послышалось фырканье. Лента замедлилась, остановилась.

– «Неутешительному», – буркнул Иванов, прибавив пару крепких словечек на русском.

Он попытался пригладить пальцами волосы, которые все еще топорщились после дня в невесомости. Салли не знала ни слова по-русски, но что имел в виду коллега, догадаться было несложно.

– Так или иначе, – продолжил Харпер, – я думаю, произошло глобальное бедствие. Все три телескопа Сети дальней космической связи, похоже, вышли из строя. Варианта тут два: либо перестала работать техника, либо люди, которые ее обслуживают. А может, все вместе. Кому-нибудь есть, что добавить?

Повисло молчание. Центрифуга вращалась вокруг своей оси, гудели системы жизнеобеспечения. Из зоны невесомости слышался скрип обшивки корабля.

– Возможно, – помолчав, предположила Салли, – причина в каком-то атмосферном явлении. Вроде радиочастотного загрязнения или геомагнитной бури. Но чтобы вызвать такие проблемы, буря должна быть чертовски сильной. Обычно они связаны со вспышками на Солнце и быстро проходят... Даже не знаю, все может быть.

Харпер задумался.

– Раньше случались бури такого масштаба?

– Геомагнитная буря? – Иванов возвел глаза к потолку. – Ты серьезно, Салливан? Да ни одна буря не будет длиться так долго!

– Не факт, – возразила Салли. – Однажды магнитная буря вырубилась всю систему электроснабжения Канады. А в Техасе тогда видели северное сияние. И все-таки, да – еще ни одна

буря не длилась так долго, как сейчас, и не влияла на оба полушария Земли. Возможно, произошел радиоактивный выброс. Когда-то ученые пытались доказать, что ядерное оружие способно повредить атмосферу, хотя эта теория еще не подтверждена.

Не заметив, как напряглись коллеги при упоминании ядерного оружия, Салли продолжила строить предположения, делая пометки в блокноте:

– Посмотрим правде в глаза: наше оборудование не отметило никаких изменений в электромагнитном поле Земли. Так что эта версия тоже мимо.

– Короче, нам звездеч – и хрен его знает, почему, – подытожил Иванов.

Задев Салли плечом, он удалился в санузел и громко хлопнул дверью.

– А ведь он прав, – вздохнул Тэл, – если отбросить почти нулевую вероятность, что проблема – на корабле.

Тэл надавил пальцами на веки, как будто хотел поскорее очнуться от кошмарного сна. Сложно сказать, что огорчало его больше: печальная судьба родной планеты или правота Иванова.

Все молчали. Было слышно, как в уборной Иванов открыл, а потом захлопнул дверцу аптечки.

– И все-таки я не понимаю, – снова заговорил Тэл. – Случись на Земле ядерная война, мы бы узнали. Если упал астероид – тоже. Что до всемирной эпидемии – медик из меня, конечно, хреновый, – но разве так бывает, что еще вчера все жили припеваючи, а сегодня планета вдруг вымерла?

Деви содрогнулась.

– И что теперь делать? – Тибс взглянул на Харпера.

Весь экипаж с надеждой смотрел на командира. Тот поднял руки перед собой, словно защищаясь.

– Понимаете... раньше такого не бывало. В учебном пособии о подобном нет ни слова. Я считаю, нам нужно следовать изначальному плану – продолжать полет и надеяться на то, что ближе к Земле появится хоть какая-то связь. В общем-то, выбор у нас невелик. Или будут другие предложения?

Четверо астронавтов помотали головами.

– Ладно. Значит, все согласны, что нам не стоит сворачивать с курса. А дальше – посмотрим по обстоятельствам.

Немного подождав, Харпер крикнул:

– Иванов! Ты согласен?

Дверь уборной распахнулась. Иванов, вытащив зубную щетку изо рта, процедил:

– Я тоже должен притвориться, что у нас есть другие варианты? Что ж, если это кого-нибудь утешит, – я согласен.

Дверь снова захлопнулась.

Тэл вздохнул, пробормотав себе под нос: «Козлина».

Тибс по-отечески приобнял Деви, и она положила голову ему на плечо – но через миг уже вскочила и скрылась в своей спальней ячейке. Мгновение спустя огонек ее лампы погас. Остальные тоже разошлись – молча, в подавленном настроении. Говорить было не о чем. Тибс, захватив книгу, отправился спать. Тэл сделал еще один подход со штангой, прежде чем последовать его примеру.

Оставшись одна в своем боксе, Салли задержала взгляд на фотографии дочери, а потом закрыла глаза. За стенкой шелестел голос Деви – она читала мантру на хинди. Портативная приставка Тэла издавала пронзительные звуки, скрипел по бумаге карандаш Харпера, из ячейки Тибса доносился шорох страниц. Привычным фоном утробно гудел корабль. Иванов вышел из уборной, бормоча ругательства, а позже, когда Салли уже засыпала, она услышала его тихие всхлипы.

* * *

Утром Салли проснулась, немного опередив будильник, который завела на семь часов. Отключив сигнал, она посмотрела на тяжелые складки шторы, и веки ее вновь опустились. Работа, к которой предстояло вернуться, теперь казалась унылой рутинной. Салли больше не заботило, сколько уникальных данных уловят приемники, какие грандиозные открытия ее ждут, стоит только щелкнуть пальцем. Не хотелось покидать центрифугу и расставаться с гравитацией.

Во сне она снова оказалась на Каллисто: разглядывала рыжеватые спирали вихрей на поверхности Юпитера и клокочущее Большое Красное Пятно. За шторой забрезжил искусственный рассвет, однако Салли не стала вставать, чтобы им насладиться. Не сегодня. Сон был не менее реальным и гораздо более чарующим. Закрыв глаза, она вернулась на спутник Юпитера.

3

Однажды мглистым днем, когда солнце уже скрылось, но еще не успело замести за собой следы, Августин и Айрис отправились к ангару. Девочке хотелось на прогулку – «долгую прогулку», как она уточнила, – и ангар вполне годился в качестве новой, неизведанной цели. Августин не бывал там с прошлого лета – с тех пор, как последний раз прилетел на станцию. Зловещие голубоватые сумерки и причудливые тени на снегу пробудили в нем жажду приключений. Глубокая тьма раннего вечера должна была заставить их вдаль от обсерватории, и они взяли с собой фонарик. В последний момент Августин захватил и ружье, убедившись, что оно заряжено. Тяжесть оружия за спиной и широкое пятно желтого света, плясавшее по снежной синеве, притупили его страхи.

В одной руке он держал фонарик, другой опирался на лыжную палку. Штурмовать зыбучие снежные заносы было тяжело: напоминал о себе артрит. Зато Айрис бесстрашно скользила по склону, опережая свет фонарика. Она то и дело оборачивалась – посмотреть, почему ее спутник плетется так медленно. Августин запыхался, не проделав и половины пути; колени гудели, ныли бедренные мышцы. Лыжи облегчили бы ему путь, но девочке они были велики, а рассекать сугробы в одиночку, заставляя ее идти следом, он посчитал нечестным. Путники шли уже около часа, когда вдалеке замаячила крыша ангара – отблеск гофрированного металла на фоне бескрайних снегов. Айрис ускорила шаг, упорно топчась ножками снег – маленькая и решительная.

Подойдя ближе, Августин заметил, что высокие раздвижные двери ангара распахнуты. Внутри уже нанесло снега. Там, где виднелся голый пол, темнели масляные пятна. Все вокруг говорило о поспешном отъезде. По бетону были рассыпаны сменные насадки для гаечного ключа; будто шестигранные звезды, они сложились в причудливое напольное созвездие. Неподалеку валялся пустой футляр. Закрыв глаза, Августин представил, что на площадке перед ангаром стоит самолет. Ученые уже на борту, багаж уложен, и только бортмеханик в спешке собирает свои вещи. Вот он хватает набор инструментов, не защелкнув замок, – и детали рассыпаются по полу. Августин видел из окна обсерватории, как самолет С-130 «Геркулес» взмывает в небо, и теперь, в ангаре, живо представил его стоящим на засыпанной снегом полосе. Вот второй пилот, выглядывая из кабины, кричит: «Скорее!», механик бросает инструменты, быстро поднимается на борт по шаткому трапу, ногой отталкивает его в сторону и захлопывает за собой дверцу. Самолет грохочет по длинной взлетной полосе, отрывается от земли и разрезает носом небо. Летит в те края, куда Августину вернуться уже не суждено.

Взлетная полоса давно опустела: поблескивал пластик погасших светодиодных ламп, ярко-оранжевые флаги почти утонули в снегу. Трап по-прежнему лежал на боку, ветер лениво крутил его колесико. Августин поднял одну из шестигранных насадок, подержал на стеганой рукавице и выронил; деталь упала, глухо звякнув. В этом ангаре все напоминало ему об отце: запах застарелого масла, инструменты, механизмы. В детстве Августин любил наблюдать, как отец спит на раздвижном кресле: ступни на подставке для ног, рот полуоткрыт, откуда-то из глубин горла вырывается рокошующий храп. В комнате стоял запах – ядреный, маслянистый, который источала отцовская одежда; так пахнет рядом с незажженной керосиновой горелкой или под днищем грузовика. Рядом всегда мелькал картинками телевизор. Мать либо возилась на кухне, либо отдыхала в спальне. А мальчик сидел на ковре, подобрав под себя ноги, чувствуя, как жесткий искусственный ворс щекочет колени, – и притворялся, что смотрит телевизор, хотя на самом деле наблюдал за отцом.

Августин очистил от снега большой стальной ящик с инструментами и не без труда открыл верхнее отделение: там в одной куче лежали отвертки и сменные насадки к ним, спущен-

танная проволока и целая россыпь болтов. Краем глаза он уловил движение и обернулся: Айрис карабкалась на поваленный трап, словно это была лесенка на детской площадке.

– Осторожнее там! – крикнул Августин, когда девочка подняла руки над головой, дразня его: «гляди, как я умею».

Она продолжила вышагивать по узкому краю конструкции, как по гимнастическому бревну, а Августин вернулся к осмотру ангара. Освещая фонариком все закоулки и сбивая ногой снег с таившихся под сугробами предметов, он обнаружил несколько скукоженных кип обледенелого картона, новые ящики с инструментами, груды резиновых покрышек. В дальнем углу высилось нечто массивное, накрытое плотным зеленым брезентом и стянутое эластичным тросом. Августин разомкнул замок, стащил вниз брезент и обнаружил пару снегоходов. Стоило догадаться, подумал он. Его не раз вместе с багажом доставляли к самолету или обратно на одной из этих махин. Августин обычно покидал обсерваторию летом, когда из-за таяния снегов все небо затягивало облаками, а со стороны Ледовитого океана полупрозрачной марлей стелились туманы и, подбираясь к горам, словно ширма, мешали астрономам выполнять свою работу. В это время года Августин выбирался в теплые края: на карибское побережье, в Индонезию, на Гавайи – в совершенно другие миры. Он отдыхал на дорогих курортах, заедал креветочные коктейли сырыми устрицами, в полдень обязательно наклюкивался джином, после чего вырубался на шезлонге у бассейна и обгорал до красноты. «Все бы сейчас отдал за пару литров джина!»

Августин погладил полированный борт ближайшего снегохода. Ключи по-прежнему торчали в замке. Он повернул их, вытащил заглушку и дернул за стартовый шнур. Мотор слабо покряхтел и тут же затих. Августин продолжил тянуть за шнур изо всех сил, пока двигатель наконец не ожил, и поршни не заработали самостоятельно. Черный маслянистый дым клубами повалил из-под капота, и мотор вошел в слегка покашливающий устойчивый ритм. Дым начал рассеиваться, и Августин одобрительно похлопал машину по блестящей черной боковине. Не то чтобы он хотел куда-то уехать, но иметь в своем распоряжении транспортное средство не помешает. Возможно, им с Айрис не придется возвращаться пешком. Он улыбнулся этой мысли и подумал, а не управится ли девочка со вторым снегоходом, – и тут замерзший двигатель чихнул и заглох. Однако Августина обеспокоило другое.

В конце тускло освещенной взлетной полосы, на фоне серебристой голубизны снега появился новый силуэт. Серовато-белое существо стояло на четырех лапах и почти сливалось с окружением. Не смотри Айрис так зачарованно в ту сторону, Августин, наверное, ничего не заметил бы. Девочка направилась к существу, ловко переступая по тонким металлическим опорам упавшего трапа и тихо воркуя. Она напевала ту странную, утробную песенку, которую уже не раз слышал Августин. Создание задрало морду к небу. Это была волчица.

Времени на раздумья не было. Августин сорвал с плеча ружье. Ремень с жужжащим звуком скользнул по непромокаемой поверхности парки. Волчица встрепенулась и зарычала. Бледный свет отразился в ее глазах, отчего они мягко засияли, как жемчужины. Зверь приблизился к ангару. Августин ждал, затаив дыхание. Айрис подобралась по трапу к волчице и уже протянула руку, чтобы прикоснуться к меху, а та уселась в сугроб и наблюдала за девочкой, переступая передними лапами и слушая ее песню. Скругленные на кончиках уши вздрагивали. Августин стянул рукавицы и, размяв пальцы, приготовился к неизбежному. Он не держал в руках оружие с подростковых лет, когда охотился с отцом неподалеку от дома в Мичигане. Они вдвоем молча сидели с ружьями и выжидали, а когда наступал нужный момент, и добыча попадала в перекрестье прицела, нажимали на спуск. Августин ненавидел каждую минуту таких прогулок.

Он поднял ружье и упер в плечо приклад. Навел прицел на лохматую голову волчицы. Айрис по-прежнему подобралась к зверю, все ближе и ближе. Она сбросила варежки и вытянула ручки вперед, продолжая издавать тихие мурлыкающие звуки. Когда Августин нащупал

спусковой крючок, волчица пошевелилась. Она задрала голову и завывла скорбным, сиротливым воем, а затем, поднявшись на четыре лапы, шагнула к девочке. Августин прицелился точнее. И когда зверь потянулся мордой к маленькой ладошке, грянул выстрел.

* * *

Грохот, должно быть, эхом разнесся среди гор и еще долго гулял от вершины к вершине, но Августин ничего не слышал. Для него все замерло. Голова волчицы дернулась назад, красная морось брызнула на снег. Тело зверя, на секунду оторвавшись от земли, рухнуло бесформенной грудой. Когда все закончилось, Августин услышал пронзительный детский крик.

Он бросился к девочке, оставив включенный фонарик на сиденье заглохшего снегохода. Потеряв равновесие, Айрис рухнула с трапа в сугроб. Снег, словно пудра, облепил ее волосы и ресницы; нос и щеки покраснелись от мороза. Не переставая кричать, она кинулась к поверженному зверю и зарылась ручонками в белый мех. Августин хотел крикнуть, однако у него перехватило дыхание – с каждым шагом тяжелое ружье выбивало остатки воздуха из легких. Наконец подбежав, он увидел, что волчица еще жива. Пуля попала в шею. Кровь пропитала снег, живот слабо вздымался и опадал. Августин попытался оттащить Айрис от умирающего животного и вдруг заметил, что волчица слизывает слезы и снег с ее лица своим розовым языком, как будто умывает детеныша.

Волчья кровь обагрила лицо и руки девочки, но она, похоже, этого не замечала. Животное еще пару раз судорожно вздохнуло и застыло. Язык безвольно свесился из пасти, взгляд блестящих глаз затуманился и померк.

Ветер ворошил сугробы, вздымая к небу ледяную пыль, которая впивалась в кожу миллионом крошечных игл. Августин погладил хрупкое, дрожащее плечико девочки. Она не отстранилась, но ни в какую не хотела покидать мертвую волчицу, не переставая тихо плакать. Ее пальчики зарывались в густой теплый мех.

– Прости, – прошептал Августин, а снег все жалил и жалил ему лицо. – Я думал, что...

Запнувшись, он начал снова:

– Я думал...

На самом деле он не думал вовсе. Он схватил ружье, даже не осознав, что делает. И холодок где-то внутри подсказывал, что это произойдет снова. Августин внушал себе, что поступил так ради Айрис. Чтобы защитить ее от опасностей, которые подстерегали на каждом шагу. Может быть, и так: волки – отнюдь не безобидные создания. Однако имелась и другая причина. Он чувствовал, как в горле зарождается новый, первобытный привкус – подобный то ли страху, то ли одиночеству. Августин посмотрел на звезды, прося их притупить нахлынувшие чувства, как уже бывало раньше. Но сейчас не вышло. Легче не стало, а звезды лишь насмешливо подмигивали – холодные, далекие, равнодушные. Августину до боли захотелось собрать чемодан и сбежать – но бежать, конечно, было некуда. Он остался на месте, по-прежнему глядя в небо и поглаживая Айрис по спине. И тогда он впервые за долгие годы ощутил в полной мере беспомощность, одиночество, страх. И если бы слезы не замерзли в уголках глаз, он бы обязательно заплакал.

* * *

Фонарик перегорел и потерялся где-то в ангаре, поэтому Августин и Айрис возвращались во тьме, держа курс на громадную тень от купола обсерватории, черневшую под усыпанным звездами небом. Лыжную палку Августин где-то обронил и, лишившись опоры, шел еще медленнее, чем раньше. Ружье он перевесил на другое плечо, жалея, что не оставил его в ангаре. Каждый шаг отдавался резкой болью в суставах. И зачем ему понадобилось брать ружье? Плечо

и спина у Августина покрылись синяками там, куда давил тяжелый ствол, а грудь до сих пор болела после отдачи.

Айрис мрачно смотрела перед собой, но не проронила ни слезинки. По дороге она снова затянула свой обычный напев, тихий и заунывный. Августин был только рад – что угодно, лишь бы в голове перестали звучать ее крики. Труп волчицы они забросали снегом и как могли утрамбовали получившийся курган – белый, в розоватых кровавых разводах. Айрис соорудила из варежек что-то вроде скребка и принялась деловито сгребать снег на могилку. Если бы не синие круги под глазами и дрожащий подбородок, она могла бы сойти за обычного ребенка, играющего во дворе. Августин попытался представить, что так оно и есть, но когда они закончили, вместо снеговика перед ними белел могильный холм.

Вернувшись на станцию, Айрис сразу же направилась на третий этаж. Августин сперва отнес ружье в кладовую. Оружие хранилось в неотапливаемом здании, чтобы потом на морозе механизм не пострадал от резкого перепада температур. Когда Августин впервые прибыл на станцию, ему рассказали, что в Арктике ружья надо обрабатывать специальной смазкой, чтобы детали сохраняли подвижность, – но тогда его это совсем не заботило. Коллега, который его просветил, раньше служил морпехом. Столь трепетное отношение к оружию напомнило Августину об отце, поэтому он резко заявил, что пока будет жить на станции, ни за что не притронется к ружьям.

После того, как Августин толчком открыл дверь обсерватории, силы его окончательно покинули. Он рухнул в кресло на первом этаже и стал ждать, когда мышцы снова начнут слушаться. Понадобилась добрая четверть часа, чтобы утихли судороги в ногах. Теплое помещение пока было вне досягаемости – на три лестничных пролета выше. Наконец, Августин, держась за перила, буквально втащил себя наверх. Когда он добрался до отапливаемого этажа, сердце у него колотилось как бешеное. Он сразу зарылся в груды матрасов, сложенных на полу. С трудом, потихоньку, он избавился от ботинок, затем снял парку, шапку и перчатки. Он все думал, почему же не спугнул волчицу. Можно было просто прицелиться выше, дать предупредительный выстрел, и животное удрало бы прочь. Поразмыслив немного, Августин уснул.

* * *

Когда он снова открыл глаза, солнце несмело ошупывало комнату прозрачными лучами. Часы показывали полдень. Августин позволил себе еще полежать, прежде чем проснулся окончательно. Когда он наконец встал и добрался до окна, солнце уже достигло верхней точки своего короткого пути. Айрис сидела далеко на склоне, позади хозяйственных построек, и глядела на горизонт. Вначале Августин рассердился и решил ее отругать, чтобы впредь nepовадно было бродить одной, – а потом понял, что не вправе запрещать ей гулять, где вздумается. Она понимала тундру гораздо лучше, чем он. В снегах она чувствовала себя как дома – ему так никогда не удалось бы. Но разве он не должен о ней заботиться? Больше ведь некому. Случись что-то плохое, никто не поможет и не спасет. Ему не с кем посоветоваться, даже в интернет не зайти.

Августин снова ощутил страх и снова отодвинул это чувство подальше – уж слишком непривычным и неприятным соседом оно оказалось. Он посмотрел на свое отражение в оконном стекле: все лицо коробилось, словно смятая страница, которую тщетно пытались разглядеть; на нем читались старость и усталость – еще отчетливее, чем раньше.

Августин взял из припасов батончик мюсли и уселся перекусить за любимым столом Айрис. Атлас-определитель, который он дал ей почитать, лежал открытым, страницами вниз, отчего корешок надорвался сразу в нескольких местах. Августин перевернул книгу. С фотографии на него смотрело знакомое белоснежное животное. Он несколько раз перечитал абзац, где говорилось, что у зверя сорок два зуба, стараясь не смотреть на соседний снимок с волча-

тами. «Полярные волки, как правило, не боятся человека. Они обитают так далеко на севере, что редко встречаются с людьми». Августин захлопнул книгу. Сорок два зуба.

* * *

Айрис по-прежнему сидела на снегу, не шевелясь. Когда солнце сгнуло за горами, Августин отложил старый журнал по астрофизике, на который тщетно пытался отвлечься. Все здешние книги, газеты и журналы давно были прочитаны. Он чувствовал себя странно: как будто только что познакомился с собственным «я». На него обрушилась волна переживаний, которым не подобрать названия. Августин не узнавал это новое в себе и боялся столкнуться с ним лицом к лицу.

Закрыв глаза, он сделал то, что обычно делал в трудную минуту: представил голубой шар Земли, каким он виден из космоса, и зияющую пустоту вокруг. Затем мысленно дорисовал Солнечную систему, планету за планетой; следом – галактику Млечный Путь и то, что за ее пределами, – и так далее. Августин надеялся, что благоговейное спокойствие, наконец, на него снизойдет. Увы, перед глазами стояло собственное неказистое отражение: изможденное лицо, обрамленное жесткими, седыми, как лунь, волосами и бородой. И другая картина: мертвая волчица и маленькая девочка, которая тянула голую ручонку к зубастой пасти. Что это, спрашивал он себя, – угрызения совести или трусость? Или болезнь? Тыльной стороной ладони он прикоснулся ко лбу: горячо. Так и знал, подумал Августин. Действительно заболел. Он почувствовал, как под кожей зарождается лихорадка, превращая бурлящую кровь в кипяток. Уши наполнил гул. Что-то давило на глазные яблоки изнутри и бухало в черепе, словно литавры.

Вот и все? Конец?.. Августин вспомнил про аптечку в кабинете начальника станции на первом этаже. Сходить за ней? Есть ли смысл? Каких лекарств может в ней не оказаться? А его скудные познания в анатомии, в диагностическом оборудовании, которого, конечно же, не было под рукой – да и толку от него, если не умеешь им пользоваться?

Августин лег и представил, что находится на смертном одре. Перед тем как провалиться в беспмятство, он подумал об Айрис, которая бродила по тундре одна-одинешенька. Сон растекался по телу медленно, снизу вверх. Когда волна уже подбиралась к голове, мелькнула мысль: «Неужели вот так оно и происходит?»

А еще: «Что же случится с Айрис, если я никогда не проснусь?»

4

Обитатели космического корабля «Этер» сражались со временем. Его было слишком много: долгие часы сна, долгие часы бодрствования. Недели и месяцы, которые надо чем-то занять. Когда не знаешь, что тебя ждет на Земле, рабочие задачи и повседневные дела начинают казаться тщетными, утрачивают всякий смысл. Если больше им не ощутить земное притяжение, зачем изнурять тело лекарствами и тренировками, которые не дают ему забыть о собственном весе? Зачем изучать галилеевы спутники Юпитера, если поделиться открытиями будет не с кем? Если родная планета сгорела, замерзла или уничтожена взрывом, если родные и знакомые убиты, погибли от эпидемии или по другой, не менее прискорбной причине, то какая разница, если экипаж перестанет соблюдать режим и поддастся унынию? Ради кого стремиться домой? Кого волнует, будут они спать слишком долго и переесть, или наоборот – недосыпать и недоедать? Не пора ли наконец впустить в свою жизнь отчаяние?

Все как будто замедлилось. Мрачное предчувствие охватило команду: свинцовой тяжестью давила неизвестность, за плечом у которой маячила пустота. Салли стала медленнее печатать, медленнее записывать, меньше двигаться, меньше думать. Поначалу коллег держало на плаву любопытство – стремление выяснить, что именно произошло на Земле; вскоре всеобщее оживление сменилось апатией. Способа добраться до правды они не нашли. Не было никаких новостей, кроме их отсутствия. Лететь оставалось десять месяцев – долгая дорога в неизвестность.

И Салли, и всю команду охватила тоска по дому. Они скучали по знакомым людям, местам, по вещам, которые оставили на Земле, – скучали о том, чего, вероятно, больше никогда не увидят. Салли вспоминала свою дочь Люси – светловолосую кареглазую девочку с тоненьким голоском. Активная и жизнерадостная, она постоянно носилась по дому, словно маленький ураган, и точно таким же вихрем ее образ будоражил память матери. Салли жалела, что не захватила флешку с фотографиями, что взяла лишь одну, совсем старую карточку. Разве сложно было найти хотя бы дюжину? И вообще, какая мать улетит на два года, оставив дочь в разгар взросления? За все время, проведенное на корабле, Салли получала сообщения по видеосвязи только от коллег. Она очень дорожила этими весточками, проигрывала их снова и снова. Однако среди них не было ни одной от Люси – и от Джека, конечно, тоже. Салли ощутила всю горечь отчуждения, царившего в ее семье, лишь покинув земную атмосферу. Вдруг навалилась тоска, как будто проблемы начались совсем недавно, хотя так продолжалось уже много лет.

Салли попыталась восстановить в памяти оставшиеся дома фотографии, рождественские ужины и дни рождения, семейный сплав по реке Колорадо, когда они с мужем еще не развелись. Антураж вырисовывался без труда: кособокая голубая ель в серебристой мишуре, зеленый клетчатый диван, перекочевавший из старой квартиры, гирлянда в форме острых перчиков на кухне, шеренга горшков с цветами позади раковины, красный «ленд-ровер», готовый к путешествию. Но вспомнить лица родных оказалось сложнее.

Джек был ее мужем десять лет, а потом еще пять – бывшим мужем. Салли начала рисовать его мысленный портрет с прически – он всегда стригся короче, чем ей нравилось. Затем она вспомнила черты его лица: с густыми ресницами зеленые глаза и нависающие над ними темные брови, нос с кривинкой – Джек неоднократно его ломал, ямочки на щеках, тонкие губы, здоровые белые зубы. Она вспомнила тот день, когда повстречала будущего мужа, день свадьбы и день, когда она его бросила, стараясь прожить заново каждую минуту, воскресить каждое слово.

Во время ее первой беременности они ютились в крошечной квартирке на окраине Торонто. Салли тогда дописывала диссертацию, а Джек преподавал физику элементарных

частиц студентам-выпускникам. После того, как случился выкидыш, они переехали в просторный лофт с кирпичными стенами и большими окнами. Джек очень расстроился, когда она сообщила, что беременность, о которой они недавно узнали, прервалась. Это случилось на шестой неделе, и Салли еще не успела свыкнуться с грядущим материнством. Почувствовав спазмы, она поняла, что все кончено, а когда на белье проступила кровь, испытала облегчение. Она подмылась, выпила четыре таблетки ибупрофена и задумалась, как лучше сообщить Джеку. Чуть позже она гладила его по голове, изо всех сил стараясь тоже почувствовать грусть, которая читалась на лице мужа. Однако ничего не чувствовала. Они сидели на диване до самого вечера; свет за окнами гостиной померк, и эти черные стеклянные лица в обрамлении незанавешенных штор то ли смотрели в комнату, то ли отвернулись.

Свадьба состоялась годом позже. Салли запомнила длинные коридоры ратуши с серыми, выложенными плиткой полами и рядами скамеек из темного дерева, на которых пары ждали своей очереди. Через четыре года в палате с мятно-зелеными стенами родилась Люси. Все, что осталось у Салли в памяти, – беспредельная радость на лице Джека, когда он впервые взял ребенка на руки, и собственный страх, когда муж вернул младенца ей.

Время промелькнуло – и вот Люси уже делает первые шаги по кухонному линолеуму, произносит первые слова: «Папа, нет!» – когда они пытаются оставить ее с няней. А потом руководство космической программы пригласило Салли на курсы подготовки астронавтов. В тот день, оставив Джека и пятилетнюю Люси, она отправилась в Хьюстон.

Вначале Салли прокручивала в памяти лишь ключевые события – дни, которые все изменили, – но время шло, и она все чаще стала вспоминать разные мелочи. Волосы дочки – какими золотистыми они были вначале, а потом начали потихоньку темнеть. Вены под ее полупрозрачной кожей, когда она только появилась на свет. Широкие плечи Джека. Как он оставлял верхнюю пуговицу незастегнутой и любил подворачивать рукава, никогда не надевал галстук и неловко чувствовал себя в пиджаках. Салли помнила линии его ключиц, едва заметную растительность на груди, рубашки, неизменно перепачканные мелом. Она помнила медные кастрюли над газовой плитой в ванкуверском доме, куда они переехали после того, как Салли защитила диссертацию; цвет входной двери – ярко-малиновый; простыни, которые обожала Люси, – темно-синие в желтую звездочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.